

ДИСТРИБУЦИЯ ГЛАСНЫХ НЕ ПЕРВОГО СЛОГА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДИАЛЕКТЕ МОКША-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

Г. С. ИВАНОВА,

доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков,
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)

И. Я. ЖЕБРАТКИНА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Академии управления и права ФСИН РФ
(г. Рязань, РФ)

Л. В. ИШАЕВА,

аспирант кафедры мордовских языков
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)

В центральном диалекте мокша-мордовского языка вне основной системы встречаются шесть фонем: нижнего подъема: [a], [ä]; среднего подъема: [ə], [ê]; верхнего подъема: [u], [i]:

Подъем	Ряд			
	передний	передне-средний	средне-задний	задний
	неогубленный			огубленный
Верхний	i			u
Средний		ə	ê	
Нижний	ä			a

Гласные среднего подъема [o], [e] в данной позиции не употребляются. Исключением является ардашевско-канаковская подгруппа говоров, где в результате прогрессивной дистактной ассимиляции по среднему подъему вне первого слога наблюдается переход [u] в [o], например: *odo* «в следующий раз», *oc'o* «большой»; в других диалектах – *odu*, *oc'u*.

Гласный [a] в середине слова встречается как после велярного, так и после палатального согласного, в абсолютном исходе слова – только после велярного консонанта, в первом слоге при этом употребляют-

ся гласные заднего ряда [a], [o], реже – [u] и [ê], например: *kaftac'* «двойняшка», *ava* «женщина», *kašan* «капризный», *lapas* «навес», *lažnams* «переживать», *varma* «ветер», *mala* «близкий», *tarams* «набрать, наполнить», *param* «постричь», *navams* «сунуть», *narvaj* «клушка»; *nola* «ленивый», *potma* «нутро», *pola* «половина», *morams* «петь», *oža* «рукав», *počana* «рыхлый»; *tunda* «весна; весной», *ufams* «дуть», *uča* «овца», *l'ukams* «качаться»; *kârga* «шея», *kêRka* «глубокий», *êrdas* «грязь», *sêRkams* «собраться», *mêrnams* «мурлыкать».

Большую группу составляют слова с конечным гласным переднего ряда [ä]. В первом слоге этих слов могут выступать гласные переднего ряда [ä], [e], [i] и непреднего ряда [a], [o], [u], [ê].

Перед гласным [ä] никогда не употребляется парный велярный согласный: *ar'z'ä* «сундук», *oc'ä* «старший брат отца», *al'ä* «мужчина», *t'äd'ä* «мама, мать», *akl'ä* «золовка», *t'äz'ä* «вторая сноха», *kêr'n'ä* «катушка», *al'gä* «сестра свекрови», *êr'v'ä* «жена», *val'mä* «окно», *l'ijä* «другой», *kon'ä* «лоб», *kujä* «жирный», *s'änngär'ä* «зеленый», *s'ijä* «серебро», *t'užä* «желтый», *koml'ä* «хмель», *pac'ä* «крыло», *ruc'ä* «платок», *l'engä* «лыко», *pengä* «полено», *kalac'ä* «белый хлеб из пше-

ничной муки», *lavc'ä* «лавка», *šur'kä* «лук», *pur'kä* «морковь», *kar'kä* «ковш», *päl'kä* «большой палец», *väškän'ä* «мизинец», *kul'ä* «весть, известие», *pal'ä* «платье», *kär'c'ä* «кормысло», *var'ä* «дыра, нора», *valaz'ä* «скользящий», *ul'c'ä* «улица» и др.

Несмотря на то что гласные нижнего подъема обладают способностью перетягивать ударение на себя, вне первого слога под ударением они оказываются лишь в том случае, если в первом слоге стоит узкий или редуцированный гласный [2, 136–137], например: *uča* «овца», *tunda* «весна, весной», *urma* «болезнь», *s'uva* «ость», *tärva* «губа», *kärga* «шея», но *jalga* «друг, товарищ», *kaba* «веко», *oža* «рукав», *lora* «лист», *tolga* «перо (птиц)».

В мокшанских говорах, распространенных в западной части Республики Мордовия, широкие гласные нижнего подъема [ä], [a] в ауслауте слов под ударением, как в других диалектах, не бывают. В связи с потерей ударения (оно переносится на первый слог) наблюдается частичная их редукция, например: *kärgä* «горло» вместо *kärga*, *märgä* «место перед печью» вместо *märga*, *s'umä* «корыто» вместо *s'uma*; *pikskäl/pikskē* «веревочка» вместо *pikskäl/päkske*; *ul'c'ä/ul'c'e* «улица» вместо *ul'c'ü/äl'c'e*.

В некоторых словах гласный [ä] употребляется в позиции закрытого слога перед сросшимся именным суффиксом или в сложных словах, например: *šäjä-r'* «волос», *s'äjä-r'* «пятка (носок)», *vajgäl'* «голос».

Гласный [ä] можно встретить и в составе суффиксальных морфем, например: *l'äj-gä* «по реке», *vir'-gä* «по лесу», *par'-g'ä* «по кадшке», *mar'-gä* «по яблоку» – форма пролатива; *l'äj-n'ä* «речка», *vir'-n'ä* «лесок», *kud-n'ä* «домик», *pir'-f-kä* «дворик», *kelas'-kä* «писичка», *s'tir'-n'ä* «девочка, девушка», *jomla-n'ä* «маленький», *sen'em-n'ä* «синененький» – деминутивная форма имен; *kant'-t'ä* «я тебя отнесу», *pala-t'ä* «я тебя поцелую», *s'äf-t'ä* «я тебя возьму» – форма глагола объектного спряжения 1-го лица единственного числа ряда «Тонь» [3, 107] и т. д.

В позиции закрытого слога перед велярным согласным гласный переднего ряда [ä], которому в юго-восточном, средне-вадском

[1, 261] и переходном диалектах [6, 85] соответствует [e], чередуется с гласным заднего ряда [a]. В данном случае следует говорить о явлении сандхи, которое наблюдается на стыке корневых и суффиксальных морфем [4, 134] как на внутридиалектном уровне: [ä]/[a] в центральном и [e]/[a] в юго-восточном, западном и переходном диалектах, так и на междиалектном уровне: [a] > в центральном [ä]/в юго-восточном, западном, переходном [e], например: *pr'ä//pr'e* «голова» – *pr'at* «головы»; *fkäl/fke* «один» – *fkat* «одинаковы»; *t'r'äjs//t'r'ejs'* «этот (тот) кормилец» – *t'r'ams* «прокормить»; *s't'äs//s't'es'* «он встал» – *s't'ams* «встать». Передвижка артикуляции гласного [a] к переднему ряду произошла через промежуточную ступень [ä]: a > ä > e.

В говорах центрального диалекта после велярных непарных [ž], [š] артикуляция [ä] несколько отодвигается назад. Это наблюдается как в середине, так и в абсолютном исходе слова, например: *t'užä* «желтый», *užäl'* «жаль», *košäl'* «кошель», *koršälj* «хлебает» и т. д.

Вне первого слога чаще других фонем встречаются редуцированные гласные [ə], [ä]. Согласно статистическим данным, приводимым студентами филологического факультета Мордовского университета, частотность их употребления в зависимости от характера текста колеблется в пределах 80 %.

В позиции ауслаута, которая является для редуцированных гласных заведомо слабой, артикуляция гласного [ə] приближается к артикуляции гласного переднего ряда [ä], а артикуляция [ä] – к артикуляции гласного заднего ряда [a]. Здесь мы имеем дело с позиционными вариантами [ä], [ä], которые агглютинируют согласно закону сингармонизма: [ä] употребляется при гласном переднего ряда в первом слоге, если предшествующий консонант палатальный или палатализованный: *s'ir'ä* «старый», *vel'ä* «село, деревня», *pil'ä* «ухо», *vet'ä* «пять»; *s'äpä* «желчь», *s'ivä* «ворот, воротник», *t'išä* «трава, сено»; *lajmä* «черемуха»; *us'kä* «провода», *ul'mä* «удочка»; *kel'mä* «холод, холодно», *čivgä* «калина», *piŋgä* «время»; [ä] – при гласном заднего ряда в первом слоге,

если предшествующий консонант велярный: *s'adă* «сто», *s'ură* «рог», *kată* «кот», *t'ală* «зима», *s'ulă* «кишка», *koṭă* «шесть», *tulă* «запор»; *ronḡă* «стан», *akṣă* «белый», *s'aRkă* «вошь», *lofcă* «молоко» [3, 108].

В позиции закрытого слога после палатального согласного [ǎ] исхода слова чередуется с [ə], а после велярного непарного консонанта – с [ǎ]:

<i>pin'ă</i> «собака»	<i>kel'mă</i> «холод»
<i>pin'ə-n'</i> «собачий»	<i>kel'mă-n'ă</i>
<i>pin'ə-z'ă</i> «моя собака»	«холодненький»
<i>pin'ə-n'ă</i> «собачка»	<i>kel'mă-s'</i> «этот холод»
<i>pin'ə-c</i> «его собака»	<i>kel'mă-t'n'ă</i> «эти холода»
<i>pin'ə-t</i> «собаки»	<i>kel'mă-t</i> «холода»
<i>pin'ə-să</i> «на собаках»	<i>kel'mă-ft'ams</i> «остудить»
	<i>kel'mă-stă</i> «в холода»

После велярных согласных, а при гласных переднего ряда в первом слоге слова и после велярного сибиланта [z] выявляются междиалектные чередования аллофонов *ă/ǎ*, например: *pandă//pandǎ* «гора»; *kardă//kardǎ* «конюшня»; *kargă//kargǎ* «журавль»; *kiză//kizǎ* «лето; год»; *piză//pizǎ* «гнездо».

В инлауте редуцированные гласные [ə], [ǎ] реализуются в своих основных качествах: *kal'an'* «ивовый», *uz'ər'* «топор», *vet'an'* «по пять», *kăd'an'bec'ak* «под руки», *s'it'ər'ks* «кустарник, чаща», *kept'ər'* «лукошко», *ir'd'as* «ребро», *vir'an'* «лесной, леса», *s'ejal'* «еж», *piz'əm* «дождь», *men'əl'* «небо», *s'is'əm* «семь», *ṣejər* «мышь», *pejal'* «нож»; *savăr* «тихо», *uṣtăr* «клен», *ṣudăžu / ṣudužu* «осот», *puldəm* «ком, шишка», *pokāl'* «фурункул, чирый, комок», *ṣamăr* «хромой, беззубый», *kalḡădă* «твердый», *utəm* «амбар», *sazăr* «младшая сестра», *pokən* «пупок», *katən'ă* «котенок», *mokăr'* «пень», *sokăr* «слепой», *ajḡăr* «конь», *toldăkṣ* «головня», *saldărks* «солонка», *salmăks* «иголка», *kodărks* «ботва»; после велярного непарного согласного при гласных переднего ряда в первом слоге: *imăṣ* «ягода», *s'ivăl'* «мясо», *pet'kăl'* «пест», *kičkăr* «кривой, кривоногий», *kemən'* «десять» [3, 108].

Выкидка редуцированного гласного конца основы наблюдается после сочетания согласных с последующим взрывным, например: *pargă* «кокошник» – *park-t* «кокошники», *park-tă* «от кокошника», *park-să* «в кокошнике»; *pandă* «гора» – *pant-t*

«горы», *pant-tă* «от горы», *pan-că* «на горе», *pan-ctă* «с горы».

Диереза происходит перед любым по качеству согласным.

В рыбкинско-мамолаевских говорах [5] центрального диалекта редуцированные гласные употребляются в исходе личных местоимений и некоторых имен существительных; в других говорах им соответствует 0 звука, например: *monă* «я», в других диалектах *mon*; *tonă* «ты», в других диалектах *ton*; *sonă* «он», в других диалектах *son*; *l'ăjă* «река», в других диалектах *l'ăj*; *vir'ə* «лес», в других диалектах *vir'*; *ovă* «зять», в других диалектах *ov*. Скорее всего этот гласный является рефлексом исторического гласного конца основы.

Реже вне первого слога встречаются гласные верхнего подъема [u], [i] / [i]: *kelu* «береза», *kuc'u* «ложка», *todu* «подушка», *kulu* «зола»; *ăṣi* «колодец», *mac'i* «гусь», *s'ăl'i* «осина», *il'i* «прут», *in'əz'i* «малина», *loks't'i* «лебедь», *vars'i* «ворона», *ken'd'i* «шмель», *ped'l'i* «пиявка». Большинство из этих слов исторически были производными, сравните: *kulă* «мертвец» > *kulu* «зола»; *ăṣă* «прохлада» > *ăṣi* «колодец»; *ped'ă-ms* «пристать, прилипнуть» > *ped'l'i* «овод»; *ken'd'ams* «запутаться» > *ken'd'i* «оса».

В составе словообразовательных и словоизменяемых суффиксов [u], [i] / [i] можно встретить во всех знаменательных частях речи. Они, соблюдая законы сингармонизма, употребляются параллельно: [u] – в словах с заднерядным вокализмом, а [i] – в словах с переднерядным вокализмом; предшествовать гласному [u] могут как велярные, так и палатальные согласные: *kulu* «сажа», *salu* «солёный», *pul'u* «пыльный», *put'ku* «угрястый»; перед гласным [i] возможны только палатальные или палатализованные согласные: *ăji* «ледяной», *s'iji* «вшивый».

После велярных согласных выступает несколько отодвинутый назад вариант [i]: *ăṣi* «колодец», *kand'i* «несет», *veṣ'i* «ищет». Употребление [i] после твердых согласных – явление позднее, оно связано с четким различием мягких и твердых согласных.

Все вышеперечисленные слова в общемокошанском языке оканчивались не на гласный, а на согласный: после [u] сто-

ял согласный [v], а после [i] – [j]: *kulu* < **kuluv*, *todu* < **toduv*; *lovu* < **lovuv*, *sodu* < **soduv*; *kudu* < **kuduv*; *mac'i* < **mac'ij*, *s'ed'i* < **s'ed'ij*, *il'i* < **il'ij*, *vir'i* < **vir'ij*, *vel'i* < **vel'ij*. Эти согласные способствовали не только прояснению, но и сохранению качества предыдущего гласного [3, 139].

Мокшанским гласным не первого слога в эрзянском языке закономерно соответствуют гласные [a], [o], [e] (таблица).

Таким образом, в центральном диалекте мокша-мордовского языка вне основной системы встречаются четыре гласных полного образования: нижнего подъема [a], [ä], верхнего подъема [u], [i] и два редуцированных гласных [ə], [ə̃]. Последние по частотности употребления выходят на первое место. Агглютинация гласных зависит от качества гласных первого слога и от палатального или велярного характера предшествующего консонанта. Гласным заднего ряда предшествуют любые по качеству согласные, в первом слоге выступают гласные заднего ряда. Гласные переднего ряда употребляются только после палатальных или палатализованных согласных, в первом слоге стоят гласные переднего ряда.

Таблица

Мокшанский язык	Эрзянский язык	Значение
<i>tārva</i>	<i>turva</i>	губа
<i>lopa</i>	<i>lopa</i>	лист
<i>tolga</i>	<i>tolga</i>	перо
<i>s'uma</i>	<i>s'uma</i>	корыто
<i>at'ä</i>	<i>at'a</i>	дел
<i>s'ijä</i>	<i>s'ija</i>	серебро
<i>šur'kä</i>	<i>čur'ka</i>	лук
<i>vajgäl'</i>	<i>vajgel'</i>	голос
<i>kudu</i>	<i>kudov</i>	домой
<i>vel'i</i>	<i>vel'ev</i>	в село
<i>vir'i</i>	<i>vir'ev</i>	в лес
<i>kolmä</i>	<i>kolmo</i>	три
<i>kurgä</i>	<i>kurgo</i>	рот
<i>s'urä</i>	<i>s'uro</i>	рог
<i>pulä</i>	<i>pulo</i>	хвост
<i>pil'ä</i>	<i>pil'e</i>	ухо
<i>s'el'mä</i>	<i>s'el'me</i>	глаз
<i>vel'ä</i>	<i>vel'e</i>	село, деревня
<i>päšt'ä</i>	<i>pešt'e</i>	орех

Поступила 19.02.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Деваев, С. З.* Средневадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов : в 5 т. Т. 2. – Саранск, 1963. – С. 261–433.
2. *Иванова, Г. С.* Некоторые особенности мокшанской акцентуации // Гуманитарные науки и образование : научно-методический журнал. – 2014. – № 3 (19). – С. 135–137.
3. *Иванова, Г. С.* Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении / Г. С. Иванова. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2006. – 179 с.
4. *Иванова, Г. С.* Явление сандхи в мокша-мордовском языке / Г. С. Иванова, Л. В. Ишаева // Гуманитарные науки и образование : научно-методический журнал. – 2015. – № 2. – С. 134–136.
5. *Липатов, С. И.* Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Липатов. – Тарту, 1972. – 24 с.
6. *Феоктистов, А. П.* Мокшанские диалекты // Н. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. – B. I. – Helsinki, 1990. – P. 71–86.
1. *Devaev, S. Z.* (1963), Srednevadsky dialect of the Moksha-Mordovian language, Essays on Mordovia dialects: in 5 Vol., Vol. 2, Saransk: Mordovia Press, p. 261–433.
2. *Ivanova, G. S.* (2014), Some features on Moksha accentuation, Humanities and Education: research and methodology journal, № 3 (19), p. 135–137.
3. *Ivanova, G. S.* (2006), The system of vowels in dialects Moksha language in historical illumination, Saransk.
4. *Ivanova, G. S.* (2015), Phenomenon of sandkhi in Moksha-Mordovian language, Humanities and Education: Scientific-methodical journal, № 2, p. 134–136.
5. *Lipatov, S. I.* (1972), Rybkinsko-mamolaevsky dialects of Moksha-Mordovian: abstract of the thesis for the degree of the Candidate of Science, Tartu.
6. *Feoktistov, A. P.* (1990), Moksha dialect, in Paasonens, H. (ed.), Mordwinisches Wörterbuch, Helsinki, p. 71–86.

ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ И НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В ПОВЕСТВОВАНИИ Н. М. ЯККОЛА «ВОДОРАЗДЕЛ»

О. А. КОЛОКОЛОВА,

*магистр филологии, младший научный сотрудник, аспирант ФГБУН
«Институт языка, литературы и истории Карельского научного
центра РАН» (г. Петрозаводск, РФ)*

Николай Матвеевич Яккола (1905–1967) – известный писатель Карелии, писавший на финском языке. Главное произведение Н. М. Яккола «Водораздел» (1949–1968) характеризуется автором как повествование. Будучи одним из первых писателей, обратившихся к изображению в литературе жизни карел, он пытался показать ее от истоков до 1930-х гг. – начала социалистического строительства. В повествовании представлен большой пласт культуры, связанный с крестьянским бытом, обрядами, праздниками, поверьями, трудовой жизнью. В отличие от романа, где в центре оказывается судьба человека, главный герой повествования «Водораздел» – народ.

Описание жизни и быта карельской деревни отражает двоемирие – сочетание элементов христианской культуры с элементами народных верований в обычаях, традициях, убранстве дома, религиозном сознании человека. Жители деревни Пирттиярви регулярно посещают церковь, молятся, соблюдают посты, но при этом почитают духов-хозяев природных стихий и строений, знают заговоры, рецепты народных снадобий. В сознании героев повествования эти реалии органично сосуществуют. Напомним, что в мировой истории христианство и язычество – две ключевые традиции. На протяжении многих веков их диалог и конфликт, сопоставление и противостояние составляют основу мирового искусства в целом.

Перед исследователями давно стоит вопрос как об осмыслении данного явления, так и о точной терминологии. Г. А. Носова в монографии «Язычество в православии»

(1975) (работа основана на русском материале, но общие положения и выводы, которые делает автор, характерны и для мировоззрения и культуры карел) пишет о «православно-языческом синкретическом комплексе», который «представляет собой сложный, запутанный клубок верований, обычаев, суеверий, религиозно-магических обрядов языческого происхождения, слившихся с элементами православия» [5, 3]. «Этнографы условно называют его православным язычеством или бытовым православием» [5, 4]. В последующие десятилетия широкое распространение получил термин «народное православие», заменивший понятие «двоеверие», характерное для советской науки.

А. А. Панченко в работе «Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России» (1998) отмечает, что среди ученых нет единого взгляда на проблему народного православия [6, 19]. Одни рассматривают это явление как «механическое соединение разнородных элементов», другие – как «историческую форму сознания, отличную и от архаической мифологии, и от догматического христианства». Сам ученый склонен видеть «целостность и связность народного христианства», но отмечает недостаточную изученность темы, отсутствие конкретных методов и определенного предмета исследования.

Такое толкование народного православия подтверждает и материал, представленный в книге Н. М. Яккола. Как ранее было сказано, это связано с соблюдением канонических форм христианства (посещением ли-